

Антонов Денис Александрович

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК НОМИНАЛИСТСКОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ**

В статье на примере исследований представителей западной либеральной мысли раскрываются особенности номиналистской методологии познания идентичности личности. Показано, что, следуя данной методологии, западные теоретики определяли личность как свободную, предъявляя, тем самым, ее идентичность. Доказывается, что идентичность свободной личности адекватна идентичности индивидуалистического общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/3.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 21-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ON REALIZATION OF PHILOSOPHICAL IDEAS IN SOCIAL PRACTICE

Andreeva Antonina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Classical Institute of Siberian Federal University
schelling@mail.ru

The realization of philosophical ideas in social practice depends on a number of circumstances. The author reveals the factors of general order, which always work regardless of the features of the historical type of practice and epoch, refers the features of the second level of the system "philosophy – practice" to the general reasons that influence the penetration of philosophy into practice, shows that it is inclinable to spontaneity, which is not a property of the separate formation, but of the constant practice on the whole, especially of social one; and considers the realization of philosophical ideas in scientific knowledge by the example of the concrete scientific research.

Key words and phrases: social philosophy; functions of philosophy; practice; science; world-view; types of world-view; methodology; dialectics.

УДК 316.3

Философские науки

В статье на примере исследований представителей западной либеральной мысли раскрываются особенности номиналистской методологии познания идентичности личности. Показано, что, следуя данной методологии, западные теоретики определяли личность как свободную, предъявляя, тем самым, ее идентичность. Доказывается, что идентичность свободной личности адекватна идентичности индивидуалистического общества.

Ключевые слова и фразы: номиналистская методологическая традиция; личность; идентичность; свобода; индивидуализм; описание; репрезентация; индивидуалистическое общество.

Антонов Денис Александрович, к. филос. н.
Сибирский государственный технологический университет
denisantonov77@mail.ru

**ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ
КАК НОМИНАЛИСТСКОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ®**

Исторически западная философия развивалась и продолжает развиваться в рамках противостояния двух метафизических методологических традиций – номиналистской и реалистской. Следуя этим традициям, западные мыслители разрабатывали важнейшие социально-философские проблемы, в том числе и проблему идентичности личности как составляющую проблемы идентичности общества.

Значительный вклад в развертывание номиналистских взглядов на специфику человеческой личности (ее идентичность) внесли представители западной либеральной мысли.

И. Бентам, выступая в качестве основателя либерализма, развивая и фундаментализируя утилитаристские идеи П. А. Гольбаха и К. А. Гельвеция, в познании особенностей человека, его личности отталкивается от принципа полезности. Применение этого принципа обосновано исследователем тем, что «природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия» [1, с. 9]. Данное положение показательно тем, что безотносительно конкретного общества, выработанного им типа личности, признается подчинение человечества в целом, а значит, и человека в целом, т.е. как абстракцию, двум чувствам. Следовательно, для И. Бентама вопрос изучения особенностей человеческой личности – это вопрос создания подходящей утилитаристской теории, для целей которой абстрактное познание (в данном случае в рамках номиналистской методологической традиции) может с успехом применяться и репрезентировать указанные особенности без претензий на их истинность.

По мнению исследователя, руководствуясь принципом полезности, человек в своей жизнедеятельности ориентируется на получение удовольствия как источника счастья и старается избегать страданий, т.е. полезность, удовольствие и счастье отождествляются (полезно то, что приносит удовольствие, делает человека счастливым). При этом, понимая, что стремление к удовольствию связано со счастьем, благом отдельно взятого индивида, является, по сути своей, эгоистичным, И. Бентам в вопросе соотношения общего блага (общественного интереса) и личного (частного интереса) признает несомненный приоритет второго. «Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица» [Там же, с. 11], – утверждает мыслитель, показывая тем самым свою приверженность либеральным взглядам на личность. Поэтому само общество является искусственным телом, состоящим из индивидуальных лиц, сумма интересов которых и есть интерес общества.

Принцип полезности обуславливает свободу личности в обществе, поскольку само удовольствие мыслитель трактует как «свободу от страдания» [Там же, с. 35]. При таком понимании свободы польза становится объектом интерпретации человека. «Под принципом полезности, - рассуждает И. Бентам, - понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [Там же, с. 10]. Получается, что полезность как принцип самостоятельно, свободно приписывается человеком своим действиям, исходя из соображений получения удовольствия в той или иной ситуации, и потому «каждый делает сам себя судьей своей пользы» [Там же, с. 33]. При таком подходе можно логично предположить, что человек, руководствуясь принципом пользы, может делать зло, коль скоро ему соответствующие действия будут доставлять удовольствие. В решении этого проблемного момента мыслитель все списывает на «слабый и ограниченный ум» [Там же, с. 32], непонимающий, что привычка к удовольствиям, вредным для других, предполагает отсутствие многих видов удовольствия, а значит, из разумных опять же утилитаристских побуждений умный человек злу предпочтет добро. Но возможное предпочтение зла добру тем самым вовсе не исключается и лишь доказывает свободу как специфицирующее личность свойство.

При этом все же необходимым и единственным ограничением такого предпочтения будут выступать нормы права. Исследователь поясняет: «...счастье отдельных лиц, из которых составляется общество, т.е. их удовольствия и их безопасность, есть цель и единственная цель, которую должен иметь в виду законодатель: это – единственный стандарт, с которым каждое отдельное лицо, насколько это зависит от законодателя, должно быть заставлено сообразовать свое поведение» [Там же, с. 35]. Это означает, что вредное действие вполне может произойти, коль скоро оно не нарушает закона, коль скоро законодатель не сумел предусмотреть правового пресечения такого действия, т.е. исключительно закон задает границы проявления принципа полезности, реализации свободы личности. Соответственно, в нормах морали свобода личности своих границ не находит.

Дж. Ст. Милль свои представления о личности формирует в контексте решения проблемы соотношения частного и общественного интересов, стремясь установить тот принцип, на основании которого должны базироваться отношения общества к индивиду. Принцип этот заключается в том, что люди индивидуально или коллективно могут вмешиваться в действия индивида, исключительно в том случае, если действия эти вредны для других людей. Сферой же невмешательства выступает та сторона человеческой жизнедеятельности, которая касается только самого индивида. «Власть общества над индивидуумом, - пишет Дж. Ст. Милль, - не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей» [3, с. 296], поскольку «в жизни человека есть такая сфера, которая не имеет никакого отношения к интересам общества» [Там же, с. 298]. И, согласно твердому убеждению исследователя, это есть «сфера индивидуальной свободы» [Там же].

В границах этой сферы человек абсолютно независим и действует по своему собственному усмотрению. Индивидуальная свобода включает в себя свободу мысли и мнения, свободу устраивать свою жизнь в соответствии с личным на нее (жизнь) взглядом, свободу соединяться с другими индивидами для достижения какой-либо цели. При этом лишь «только при существовании индивидуальной свободы люди могут... достигать наивозможно полного развития» [Там же, с. 343]. Таким образом, индивидуальная свобода, во-первых, преподносится Дж. Ст. Миллем как фундаментальная особенность человеческой личности, во-вторых, в отмеченных выше ее проявлениях, находясь вне соприкосновения с интересами общества, позиционирует индивида в своих рамках как автономную, не зависящую от других индивидов личность, выступает гарантом ее автономии. Это в совокупности определяет приоритет свободы, автономии отдельно взятой личности по отношению к политическим структурам, в первую очередь государству, делая Дж. Ст. Милля приверженцем либерализма и соответственно номиналистом, признающим доминирование конкретной единичности (личности) над абстракцией общего (государством).

Между тем наличие государства и его определенное воздействие на личность, согласно исследователю, оправданно. Оправданность этого воздействия заключается в необходимости соблюдения индивидами установленного в государстве порядка, в исполнении правил поведения по отношению к другим людям, которые (правила) состоят в том, «чтобы не нарушать интересов других людей... тех интересов, которые... закон признает за ними как право» [Там же, с. 354], т.е., обладая свободой и автономией, личность должна быть одновременно законопослушной. И такая роль государства соответствует той номиналистской трактовке свободы, которую предложил исследователь: «Только такая свобода и заслуживает названия свободы, когда мы можем совершенно свободно стремиться к достижению того, что считаем для себя благом, и стремиться теми путями, какие признаем за лучшие, - с тем только ограничением, чтобы наши действия не лишали других людей их блага, или не препятствовали бы другим людям в их стремлении к его достижению» [Там же, с. 299]. Т.е. свобода каждой личности заключается в возможности по-своему интерпретировать представление о благе, исходя из того контекста, в котором рассматривается благо, выбирать соответствующие пути для его достижения. Закон же позволяет пресечь так называемые «вредные» для других людей интерпретации понятия «благо» и, соответственно, предупредить пути достижения блага в такой «вредной» интерпретации.

В целом, выводы, к которым мы приходим на основе анализа исследований И. Бентама и Дж. Ст. Милля, заключаются в следующем. Во-первых, вопрос о различении обществ, влиянии конкретного общества на специфику личности для мыслителей имеет второстепенное значение. Поэтому за основу изучения личности взят отграниченный от реального общества и других индивидов человек сам по себе – абстрактный, так называемый «чистый» субъект. Исходя из этого, личности репрезентативно приписываются автономное

потребительское существование (цель жизни – получать удовольствие) и свобода как условие такого существования. При этом свобода личности заключается в возможности самостоятельного конструирования собственных представлений о пользе, личном благе, средствах их достижения, и потому никакие предписанные, абсолютные представления на этот счет не допускаются. В свою очередь, общество является не более чем искусственным образованием, суммой автономных, свободных личностей.

Во-вторых, приоритет автономии и свободы отдельно взятой личности по отношению к общественному интересу, общему благу, предъявление закона в качестве инструмента защиты и одновременно искусственного ограничения автономии и свободы личности позволяют исследователям в рамках номиналистской методологической традиции предъявить либеральную концепцию личности, выступающей описанием идентичности личности в рамках западного философского теоретизирования. Такое описание определяет личность в качестве свободной личности.

Либеральные взгляды Дж. Ст. Милля на индивидуальную свободу как ключевое свойство личности получили свое развитие в исследованиях Э. Фаге. Признавая наличие разных видов свобод, теоретик на первое место ставит свободу индивидуальную, полагая ее основной, из которой другие виды свобод проистекают. По мнению Э. Фаге, «индивидуальная свобода – это право, в соответствии с которым я считаю, что могут жить по-своему, действовать по-своему до тех пор, пока я не причиняю никому вреда и не чиню никому серьезных препятствий» [4, с. 53]. Наличие индивидуальной свободы – это наличие «стремления человека придать личностный характер своим действиям» [Там же]. Получается, что такая свобода есть единственное условие становления и развития личности, т.е. само понимание личности предполагает человека, обладающего индивидуальной свободой. Следовательно, Э. Фаге, равно как и его западные коллеги-предшественники, рассматривает «человека вообще» и поэтому приписывает человеку свободу как свойство его личности, изначально теоретизирует в отношении свободной личности, отождествляя понятия «личность» и «свободная личность».

Прекрасно понимая неизбежность столкновения интересов свободных личностей на ниве использования ими своей личной свободы, исследователь в качестве критерия ограничения такой свободы, как и Дж. Ст. Милль, принимает причинение вреда. Но речь ведет не о всяком вреде, а лишь о серьезном («серьезные препятствия»), к которому относит нанесение материального ущерба, поскольку он «определим и отчетлив», а значит, может быть предметом оценки со стороны закона и повлечь необходимые законом предусмотренные наказания. «Но ущерб моральный, – задается справедливым вопросом Э. Фаге, – может быть в тысячу раз хуже материального!» [Там же, с. 55]. Но задается лишь для того, чтобы, во-первых, показать, что свободная личность руководствуется в своей жизнедеятельности нормами права, возвышая их над нормами морали; во-вторых, доказать, что свобода личности может быть ограничена только нормами права, а если бы сюда добавились еще и нормы морали, то «индивидуальная свобода подверглась бы существенной опасности» [Там же, с. 53].

Поэтому, трактуя свободу как фундаментальное специфицирующее личность свойство, Э. Фаге утверждает: «Используя свою личную свободу, мы ставим людей, причем многих людей, в стеснительное положение. Нужно только сказать, что вы имеете право использовать свою личную свободу в тех случаях, когда этим правом вы причиняете ближним лишь моральные мучения..., но не причиняете им материального вреда» [Там же, с. 54].

В современном западном философском теоретизировании личность, специфицирующие ее особенности являются предметом дискуссии, тон которой во многом задали сформулированные И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем и ставшие классическими либеральные идеи. Показательной в этом отношении является развернувшаяся в 80-х годах XX столетия дискуссия между либералами (Р. Дворкин, Дж. Уолдрон, Дж. Ролз, И. Берлин) и коммунитаристами (М. Сэндел, А. МакИнтайр, Ч. Тейлор, М. Уолцер), продолжающаяся и в настоящее время.

Достаточно показательно суть разногласий участников данной дискуссии выразил один из наиболее известных теоретиков либерализма И. Берлин в работе «Две концепции свободы». Показывая себя сторонником номиналистской методологической традиции, И. Берлин отмечает: «С определением человека и свободы можно проделать множество манипуляций, чтоб получить то значение, которое желательно манипулятору» [2, с. 33]. Выступая в роли такого манипулятора, теоретик предлагает понимание человека, «который есть существо, самостоятельно проживающее свою жизнь» [Там же, с. 25] и, заимствуя терминологию Э. Фромма, два значения свободы – негативное и позитивное, вкладывая в них как последовательный номиналист уже свое, несколько отличное от воззрений Э. Фромма содержание.

В результате на предложенное И. Берлином понимание человека выгодно ложится концепция «негативной свободы», которая опирается на допущение плюралистичности и принципиальной несовместимости представлений о ценностях, смысле жизни и т.д. и требует предоставить людям право самим решать, что составляет ценность их жизни. Другими словами, человек должен обладать индивидуальной свободой, которая будет являться той областью, «в рамках которой субъекту, будь то человек или группа людей – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей...» [Там же, с. 19]. Такая концепция свободы является либеральной, и именно на ее стороне находятся И. Берлин и другие либералы.

В свою очередь, концепция «позитивной свободы» предполагает, по мнению исследователя, «свободу вести какой-то предписанный образ жизни, поэтому для сторонников “негативной” свободы она порой оканчивается лишь лицемерной маской жестокой тирании» [Там же, с. 29]. И. Берлин раскрывает реалистскую специфику понимания свободы, которое он именует «позитивным», а тем самым и точку зрения своих оппонентов коммунитаристов, представления о свободе строящих в рамках именно реалистской методологической традиции: «Одно дело говорить, что я знаю, в чем состоит благо для X..., но совсем другое дело говорить, что... он выбрал это благо, по существу неосознанно, – выбрал не как человек из повседневной

жизни, а как некое рациональное *Я*, о котором его эмпирическое *Я* может и не знать, выбрал как некое «подлинное» *Я*, которое способно осознать свое благо и не может не выбрать его, когда оно установлено... «Позитивная» концепция свободы... легче расщепляет человека на две части: на трансцендентного господина и эмпирический пучок желаний и страстей, который нужно держать в строгой узде» [Там же, с. 32-33].

Действительно, коммунитаристы признают и отстаивают свободу отдельно взятой личности, но стремятся встроить ее в определенную схему устройства общества, например, общества, основанного на идее общественного договора, целью которого является достижение «общего блага». Ведь даже с точки зрения теорий общественного договора, у каждого индивида остается не подвергаемая социальному контролю сфера существования, его индивидуальная свобода. Чего же опасаются в этом случае либералы? Ведь и они, и их оппоненты (называемые в настоящее время коммунитаристами), как мы уже показали, исторически в рамках развернувшейся в западном философском теоретизировании дискуссии представителей номиналистской и реалистской методологических традиций, по-своему определяли личность как свободную личность.

Опасение содержится в том, что сам факт наличия представления об «общем благе», которое понималось и понимается в западном философском теоретизировании как возможность каждому свободно и наиболее полно удовлетворять свои потребности, и на свободу личности, тем самым, никоим образом не покушается, а наоборот, содействует ее реализации в реалистском понимании, содержит потенциальную угрозу того, что свобода личности гипотетически может быть принесена в жертву этому «общему благу». Фактически дискуссия идет о пределах свободы личности, пределах индивидуальной свободы, а следовательно, современные либералы и коммунитаристы своей дискуссией проводят своеобразный «бой с тенью», стремясь в теоретических диспутах одолеть тех, кто так же, как и они, отстаивает идентичность свободной личности. Первые (либералы) считают, что свободная личность – это личность, создающая сама себя, вторые (коммунитаристы) предлагают некое единое понимание того, как и ради чего личности реализовывать свою свободу.

В равной степени это применимо и к упреку, который высказывает И. Берлин в отношении принципа дуализма, «расщепляющего человека на две части» [Там же, с. 33]. Исследователь лишь продемонстрировал реалистскую версию этого принципа, в своем познании специфики личности оставшись этому принципу верным (в его номиналистской версии) и приписав личности с помощью концепции «негативной свободы» идентичность свободной личности.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, в разработанной западными теоретиками либеральной концепции личности раскрывается идентичность свободной личности.

Во-вторых, в данной концепции идентичность личности раскрывается западными теоретиками в рамках строгого следования номиналистской методологической традиции и адекватной ей теории познания как теории репрезентации. Согласно данной традиции, личность познается абстрактно, ее особенности позиционируются универсалистски, в отрыве от сформированной под влиянием объективных условий и субъективных факторов идентичности конкретного общества, детерминирующей соответствующую идентичность личности (поскольку, в соответствии с метафизической методологией, само общество познается как абстракция). Поэтому возможность жизнеспособности личности, которая специфицирована не как свободная личность, не допускается. Т.е. личность вообще рассматривается исключительно как свободная личность, а отсутствие свободы означает отсутствие личности.

В-третьих, согласно номиналистской методологической традиции, идентичность свободной личности раскрывается через приписываемые ей особенности: свобода и обусловленные ею эгоизм, независимость, стремление к удовлетворению потребностей. Такая личность в установленных законом пределах произвольно конструирует сама себя (свои представления о жизни в целом, личном благе, пользе и т.д., в частности), поэтому допускается та или иная «полезная» как с точки зрения теоретизирования, так и с точки зрения практической жизни личности трактовка ее (личности) свободы (полная, ограниченная), эгоизма (естественный, разумный). Т.е. особенности личности являются некими «общими именами», не претендующими на истину репрезентациями, в которые вкладывается требуемое для предъявления ее идентичности как свободной личности и дальнейшей реализации такой идентичности содержание. Закон при этом необходим для того, чтобы собственное конструирование личностью самой себя не выходило за определенные рамки, не причиняло ущерба, вреда другим личностям.

В-четвертых, идентичность свободной личности предполагает свободу, прежде всего, потребительскую, ограниченную определенной совокупностью норм права по принципу «можно все, что не запрещено законом». Этот принцип задает своеобразный туннель, в котором может быть реализована идентичность свободной личности.

В-пятых, с точки зрения теории познания как теории репрезентации, идентичность свободной личности является не более чем теорией, в случае с номинализмом приписываемой личности, и потому может претендовать на некоторую степень своей правдоподобности. При этом теория идентичности свободной личности раскрывает личность саму по себе, т.е. личность индивидуалиста, и, соответственно, спецификой жизни именно индивидуалистического общества востребована идентичность личности как свободной личности, именно для такого общества данная теория обнаруживает свою адекватность. Соответственно, западные исследователи, определяя личность как свободную личность, правы в той мере, в какой такое определение относится к жизни индивидуалистического общества. Также следует учитывать тот немаловажный факт, что в условиях жизни именно индивидуалистического общества теоретизировали западные исследователи и не могли полностью от них абстрагироваться, а именно от выработанных данным обществом и специфицирующих личность особенностей, которым они и стремились придать универсалистское значение.

Список литературы

1. **Бентам И.** Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
2. **Берлин И.** Две концепции свободы // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уордон. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 19-43.
3. **Милль Дж. Ст.** О свободе // О свободе: антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 288-392.
4. **Фаре Э.** Либерализм // О свободе: антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 31-78.

**LIBERAL CONCEPTION OF PERSONALITY
AS NOMINALISTIC REPRESENTATION OF FREE PERSONALITY'S IDENTITY**

Antonov Denis Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Siberian State Technological University
denisantonov77@mail.ru

The author, by the example of the Western liberal thought representatives, reveals the peculiarities of the nominalistic methodology of personality's identity cognition, shows that following this methodology the Western theorists defined personality as free, thus representing its identity, and proves that free personality's identity is adequate to the identity of individualistic society.

Key words and phrases: nominalistic methodological tradition; personality; identity; freedom; individualism; description; representation; individualistic society.

УДК 130.3

Философские науки

Современная философия, исследуя феномены человеческого духа, нередко оперирует понятиями, которые до сих пор традиционно рассматривались в рамках естественных наук. К таковым относятся «боль» и «страдание». В данной статье представлено философское осмысление страдания и боли как атрибутивных состояний человеческой жизни. Автор рассматривает страдание и боль в экзистенциальном ключе, обращаясь к философско-этической и научной традициям исследования данных феноменов.

Ключевые слова: боль; болезнь; горе; страдание; страх.

Антюхина Алла Валентиновна, д. филос. н., профессор
Волгоградский государственный медицинский университет (филиал) в г. Пятигорске
cartezium@mail.ru

БОЛЬ И СТРАДАНИЕ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ®

Тема душевных страданий человека достаточно содержательно представлена в историческом развитии этико-философской и религиозной мысли. Бытие человека всегда сопровождалось теми или иными физическими и душевными мучениями. Вместе с тем феномен физической боли, если и рассматривался, то в основном в двух областях человеческого познания: медицине (психологии) и теологии. Боль, тем не менее, является ключевым, универсальным признаком существования человека и посему должна быть объектом философской рефлексии. Переживание боли накладывает значительный отпечаток на бытие человека, зачастую в корне меняя его.

Первое серьезное теоретическое исследование боли произвел французский хирург Р. Лериш в 1909 г. Он рассмотрел боль не только в ее медицинском значении, как защитную функцию организма, но и как субъективное ощущение. Современная медицина рассматривает боль как «своеобразное психофизиологическое состояние человека, возникающее в результате воздействия сверхсильных разрушительных раздражителей, вызывающих соматические или функциональные нарушения в организме» [1, с. 369]. Болевое ощущение медицина относит к важнейшим приобретениям эволюции живого мира. Способность ощущать боль сформировалась у человека вследствие развития корковых и подкорковых структур, на базе которых появилась психическая возможность трансформации боли в страдание как ее осознанное душевное переживание.

Медицина различает порог болевого ощущения и реакцию на боль. Если порог стабилен, то реакция на боль меняется в зависимости от внешних условий и индивидуальных особенностей испытуемого. Способность переживать болевые ощущения зависит и от возрастных особенностей человека. Считается, что более терпеливыми к боли являются дети и старики. У некоторых людей существует как повышенная чувствительность к боли – гипералгезия, так и пониженная – гипоалгезия, наблюдаемая при нервных и психических заболеваниях (истерии). В последнем случае переносимость боли не связана с волевыми качествами личности. Тяжелейшие, непрестанные боли медики называют каузалгии, что означает «жгучая боль». Каузалгический характер имеют так называемые «фантомные боли».